

Новая модель экономического роста: альтернативы и ограничения.

1. Модель экономического роста: два горизонта планирования.

Настоящие тезисы призваны не столько описать возможную модель долгосрочного экономического роста, сколько наметить проблемную карту, которая может пригодиться при создании такой модели. Также мы опускаем описание текущей конкурентной позиции России в мировой экономике, полно и согласованно данной в тезисах коллег.

В основе самого вопроса о новой модели роста лежит представление о том, что источники, обеспечившие динамичный рост экономики в 2000е гг., исчерпаны или близки к тому. При этом основными источниками роста в прошлом периоде считаются расширение экспорта и быстрое расширение внутреннего спроса на первом этапе (1999 – 2004) и расширение внутреннего спроса, поддержанное значительным притоком капитала (инвестициями) на втором (2005 – 2008).

Быстрое расширение внутреннего спроса в 2000е, видимо, является эффектом восстановительной (на выходе из длительного спада) фазы; действительно, в течение десяти лет рост реальных доходов существенно опережал темпы роста экономики, что в известном смысле компенсировало обратную картину на протяжении 1990х (сокращение реальных доходов было более глубоким, чем сокращение ВВП). Так или иначе, этот источник роста близок к исчерпанию.

Очевидно, что главным вопросом «новой модели роста» в краткосрочном горизонте (на ближайшие годы) является **вопрос об инвестициях**. И все варианты стратегий (новых моделей) будут крутиться вокруг того или иного решения этого вопроса, т.е. вопроса о том, как обеспечить ускоренный рост инвестиций.

При этом в целом вопрос о новой модели роста должен, видимо, рассматриваться в рамках **двух временных горизонтов** – краткосрочного (порядка 5-6 лет) и долгосрочного (стратегического). При этом если в краткосрочном горизонте ключевым вопросом обеспечения роста будет проблема инвестиций, то в долгосрочном планировании ключевой проблемой все же является проблема спроса, т.е. поиска ниш долгосрочного устойчивого спроса, на удовлетворение которого могла бы быть экономика сориентирована. Легко заметить, что здесь кроется противоречие (ловушка): в краткосрочном горизонте правительство прежде всего заинтересовано *в наличии* инвестиций, тогда как в долгосрочном на первый план выходит проблема их *качества*. Дело осложняется тем, что наши представления о долгосрочных перспективах российской экономики и возможной нише России в мировом разделении труда сегодня достаточно туманны.

С другой стороны, проблемой взаимосвязи двух горизонтов является и то, что эффекты долгосрочных стратегий проявятся лишь за горизонтом краткосрочного периода. Однако продвижение к стратегическим целям будет затруднено, если правительство не сумеет обеспечить приемлемых текущих темпов роста. Это лишь подчеркивает важность

рассмотрения проблемы роста в двух горизонтах как связанной и неоднозначной, с учетом текущих ресурсов

2. Краткосрочные сценарии и цели экономической политики.

В целом можно представить себе три сценария для российской экономики на ближайшие годы (в рамках краткосрочного горизонта). Индикатором сценария являются темпы роста экономики (отсутствие роста, низкий рост и динамичный рост), а факторами – цены на нефть и приток капитала.

Сценарии	I	II	III
Темпы роста экономики	$\leq 0\%$	$\pm 3\%$	$\geq 6\%$
Цены на нефть	70 долл.	80 – 100 долл.	≥ 100 долл.
Интенсивный приток капитала	Не восстанавливается	Не восстанавливается (слабый приток)	Восстанавливается

Фактически речь идет о том, что в этом горизонте темпы роста по большому счету заданы экзогенными факторами. Экономическая политика будет направлена на то, чтобы добиться дополнительного положительного сдвига в сторону увеличения темпов роста, а также – по возможности – создать условия для динамичного роста в будущем. Очевидно при этом, что фактические цели экономической политики, инструменты и – главное – ресурсы для ее осуществления будут в каждом сценарии разными.

Сценарий III (высокий рост – 6% и более), еще год назад казавшийся почти невероятным, с каждым месяцем выглядит все более представимым. На фоне чрезвычайно высоких цен на нефть и восстановления ликвидности на мировых рынках возобновление притока капитала в Россию выглядит более реалистичным, чем раньше. В этом году переток капитала на развивающиеся рынки оказался локализован в относительно немногочисленной группе стран (Китай, Бразилия, ЮАР, Индия, Мексика, Турция и некоторые др.), Россия оказалась в группе аутсайдеров, однако неизвестно, является ли разделение развивающихся рынков на два сегмента новым трендом или по мере расширения тенденции перетока капиталов группа стран-реципиентов также будет расширяться. Существует некоторая вероятность того, что – как это было и в прошлом цикле, в 2000е гг. – Россия окажется включенной в этот процесс с запозданием.

В этом случае мы получим своеобразное дежавю 2006 – 2007 гг. Этот сценарий предполагает сокращение фактического дефицита бюджета, высокие экспортные доходы, значительный приток капитала, укрепление рубля и относительно высокую инфляцию. Экономическая политика при таком сценарии выглядит преимущественно как политика «распределения богатства» (В.Мау), что традиционно предполагает низкую эффективность инвестиций. В то же время этот сценарий несет с собой хорошо известные риски. Приток капитала имеет здесь

в значительной степени спекулятивный характер, т.е. связан не с ростом привлекательности инвестиций в Россию, но со снижением требований к эффективности размещения капитала на мировых рынках. Это в свою очередь приведет к снижению требований к эффективности размещения капитала на внутреннем рынке, что создаст условия для нового перегрева экономики. Рациональная политика состояла бы в разработке мер, которые повышают конкурентность размещения капитала внутри страны и расширяют доступ к нему экономических агентов.

Негативный **I сценарий** (отсутствие роста) является по сути депрессивным. Этот сценарий характеризуется как отсутствием внешних инвестиций, так и недостатком средств для осуществления интервенционистской политики и возможностей для стимулирования внутреннего спроса. Дефицит бюджета становится гораздо более серьезной проблемой. Возникает отрицательное сальдо текущего счета. Нулевой рост создает высокие риски для политической системы и потому формирует спрос на антикризисные меры. В повестку дня возвращается не только вопрос о рационализации бюджетной сферы, но и вопрос о реструктуризации госкомпаний в связи с необходимостью повысить их эффективность на фоне дорожающего кредита и отсутствия собственных инвестиционных ресурсов. Острой проблемой становится финансирование масштабных инфраструктурных проектов.

Инерционный **сценарий II** (рост низкими темпами) подразумевает вариант, при котором цены на нефть находятся на уровне не ниже второй половины 2010 г., при этом значительного притока капитала не наблюдается. Этот сценарий в наиболее острой форме ставит вопрос о новой модели роста, а точнее – о поиске инвестиционных ресурсов. В этом сценарии государство располагает определенными, хотя и достаточно ограниченными средствами для стимулирования спроса и инвестиций. Возникает соблазн стимулировать текущие темпы роста масштабными государственными инвестициями в инфраструктуру, однако слабая экономическая активность, низкая эффективность таких инвестиций и низкая инвестиционная активность частного сектора создают риски попадания в ловушку экономики «нулевого цикла».

Надо отметить, что этот сценарий (если невысокие темпы роста сохраняются в течение нескольких лет) также выглядит как достаточно проблемный, «застойный». Если для развитых стран рост в районе 3% является нормой, то для развивающихся стран такие темпы роста оказываются недостаточными не только для развития, но и (в силу значительного нерыночного перераспределения прибыли и ресурсов) для обеспечения социальной стабильности. Нерешенные институциональные проблемы, отступающие на второй план в условиях быстрого роста, возвращаются в центр актуальной повестки в условиях, когда невозможно интенсивно наращивать ни спрос, ни инвестиции.

3. Выбор стратегии: политические альтернативы.

До 2005 г. в российской экономической и управленческой элите существовал относительный консенсус по поводу необходимости диверсификации экономики, снижения ее зависимости от поставок энергии на мировой рынок. По сути, это выглядело стратегической целью долгосрочной экономической политики. Хотя политика диверсификации всерьез никогда не проводилась, все были уверены, что она есть альтернатива инерционной сырьевой модели,

которая не обеспечивает устойчивого развития в долгосрочном периоде. При этом партизаны диверсификации подразумевали в качестве условия ее осуществления широкий фронт институциональных реформ. Логика состояла в том, что диверсификация требует инвестиций в сектора с более низкой отдачей (нежели экспортно-сырьевой), а значит – улучшения делового и инвестиционного климата. При этом институциональный подход по сути доминировал: именно эффективность институтов при минимальном участии государства в экономике выглядели условиями устойчивого экономического роста, опирающегося на приток частных инвестиций, и высокой адаптивности к меняющимся внешним условиям.

С 2005 г. в разных видах начинает обсуждаться «энергетическая» модель экономического развития. Энергетическая модель исходит из предположения, что России не удастся значительно укрепить свои позиции на рынках традиционной массовой потребительской продукции (прежде всего в силу сравнительно более высоких издержек на труд), а энергетика является естественной нишей России в мировом разделении труда. При этом предполагается, что при определенных условиях экономика, опирающаяся на энергетический экспорт, может быть сориентирована в целях развития, преодоления технологического отставания и занятия новых ниш на мировом рынке, и в результате – достижения устойчиво высоких темпов роста.

Имплицитно «энергетическая» модель переводит задачу улучшения институциональной среды из разряда первоочередных в периферийные. Низкое качество институтов должно быть компенсировано значительным присутствием государства в экономике, его ведущей ролью в инвестиционном процессе. Все варианты «энергетической» модели есть, на самом деле, варианты инвестиционного дирижизма, т.е. предполагают в качестве драйверов роста замещение недостатка частных инвестиций целенаправленным перераспределением доходов от торговли сырьем в пользу тех или иных сфер – 1) инфраструктуры, 2) новых месторождений и технологий в энергетике, 3) капиталоемкой промышленности, 4) инновационной экономики, 5) инвестиций в человеческий капитал.

Этот подход опирается на сформировавшееся в последние годы представление, что существенное улучшение институциональной среды является гораздо более трудоемкой и сложной задачей, чем это казалось ранее (разочарование в теории трансплантации). Более того, эффекты такой политики имеют отложенный характер, а в настоящем она может даже отрицательно влиять на темпы роста. Классический пример – внутренние цены на энергоносители: заниженные цены дестимулируют технологическое перевооружение, однако их повышение подавляет текущий экономический рост.

4. Конъюнктурные риски дирижистской модели.

Важная презумпция дирижистской модели – предположение о том, что государство будет располагать значительными инвестиционными ресурсами (это определило рост ее популярности в середине 2000х). А если не будет? Аргументация на этот счет настолько хорошо известна, что ее не стоило бы повторять, если бы не крепнущая у экспертов уверенность в том, что на этот раз все будет не так как всегда.

На протяжении 4 десятилетий прогнозы цен на нефть носили инерционный характер (опрокидывание в будущее тенденций предыдущего десятилетия) и, в результате, во всех четырех случаях не предсказали смену тренда. В 2000 г. экспертные институты прогнозировали колебания цен на нефть в следующем десятилетии в диапазоне 17 – 35 долл., в 2010 предсказывают в диапазоне 80 – 200 долл. И тот, и другой прогноз основаны на продлении линии тренда. Не будем повторять известных аргументов относительно инвестиционного цикла (чем дольше держатся высокие цены на нефть, тем вероятнее их последующее падение), а также избыточного денежного предложения на финансовых рынках. Сошлемся на два других аргумента.

Первый – вероятная перестройка энергетического рынка (см. статью Дребенцова в журнале «Экономическая политика»). Смысл в том, что нефть и трубный газ не перестают играть ключевую роль на рынке, но их доля в долгосрочной перспективе сокращается. Они вытесняются (дополняются) появлением целого ряда нишевых энергетических продуктов (биотопливо, солнечная энергия, нетрадиционный газ и пр.), которые способны частично удовлетворять рост спроса на топливо, а также в случае скачков цен быстро расширять предложение. Фактически модель предполагает подрыв монопольного положения на рынке поставщиков традиционных видов топлива. Энергетический рынок в большей степени становится рынком покупателя.

Второй аргумент – инвестиции в энергосбережение. Они весьма значительны. Уровень инновационной активности в мире заставляет предполагать вероятность серьезных технологических прорывов, которые резко меняют структуру потребления ресурсов. В частности -- в результате резкого снижения потребления топлива за счет более эффективного его использования. В том числе, например, за счет распространения новых, более легких материалов для транспортных средств (что будет равносильно заметному сокращению потребления). Так или иначе, инвестиции в энергосбережение в 1970 – начале 1980х гг. дали значительный эффект (хотя и отложенный), высока вероятность, что это повторится.

5. Структурные риски дирижистской модели (1).

Как представляется, наибольшую опасность таит в себе именно противопоставление двух путей – институционального, т.е. выдвигающего в качестве приоритета повышение общих стандартов деловой среды и инвестиционного климата и, соответственно, делающего ставку на частный капитал, и дирижистского, делающего ставку на возможности государства, компенсирующего недостатки делового климата и частных инвестиций. Именно по пути такого противопоставления развивается логика управленческих решений в России в последние годы. Фактически в этой логике происходит следующее: по мере расширения присутствия государства в экономике деловой климат и общие стандарты ведения бизнеса деградируют, государство не компенсирует провалы рынка, но расширяет и углубляет их, пытается подменить собой рынок.

Можно указать, как минимум на две ловушки, создаваемые жестким противопоставлением двух моделей.

Первая связана с тем, что уровень эффективности (или, если угодно, неэффективности) государственных инвестиций будет в пределах задан общим уровнем эффективности инвестиций в экономике, общим уровнем конкурентности рынков. То есть: чем более конкурентной является среда, тем более эффективными (менее неэффективными) могут быть государственные инвестиции, и наоборот снижение уровня конкурентности среды будет вести к пропорциональному росту уровня неэффективности государственных инвестиций.

Большинство успешных опытов дирижистских модернизаций были сопряжены с созданием экономики, ориентированной на промышленный экспорт. При всех недостатках внутренней институциональной среды, значительном уровне вмешательства государства в экономику мериллом успешности фирм оставалась их способность расширять присутствие на внешних рынках в условиях жесткой конкуренции, что и являлось в конечном итоге мотором развития – фильтром, отбирающим наиболее перспективные образцы, проекты и направления бизнеса. И наоборот, в условиях модели роста, ориентированной на внутренний спрос, плохие институты и расширение присутствия государства в экономике лишь искажают рыночные стимулы, ведут к понижению среднего уровня эффективности.

Таким образом, альтернатива выглядит не как «частные инвестиции / государственные инвестиции», а как «конкурентная среда / неконкурентная среда». В первом случае государственные инвестиции могут помочь рынку, во втором – это всего лишь попытка подменить рынок, компенсировать недостаток конкуренции масштабами и концентрацией инвестиций, собственности, полномочий, а также поиском специфических низкоконкурентных ниш в мировом разделении труда. Осознание этой альтернативы позволяет сформулировать систему безусловных приоритетов в институциональной сфере: необходимо первоочередное улучшение институтов, низкое качество которых непосредственно подавляет конкуренцию.

6. Структурные риски дирижистской модели (2).

Второй ловушкой дирижистских моделей может оказаться отказ от политики диверсификации и задачи повышения конкурентоспособности российской промышленности. В стратегической перспективе России вряд ли удастся кардинально укрепить свои позиции на мировых рынках массовой промышленной и потребительской продукции. Это и определяет необходимость поиска новых ниш в мировом разделении труда. Однако это ни в коей мере не значит, что проблема диверсификации экспорта и повышения конкурентности отечественной продукции снимается с повестки дня.

Даже если предположить, что маневр удастся и Россия получит значимый источник дохода на некоторых специфических рынках (научно- и капиталоемкой продукции, новой энергетики и пр.), очевидно, что эти сферы являются малоемкими с точки зрения занятости. Фактически, это будет означать, что большинство населения страны все также будет занято в производстве неконкурентных товаров и в секторе малоэффективных госуслуг. Это, в свою очередь, будет означать необходимость трансферта экспортных доходов в целях поддержки неконкурентоспособного населения. И в итоге – невозможность накопления ресурсов для дальнейшего развития на стратегических направлениях.

Иными словами, эффективным в национальном масштабе может оказаться лишь совмещение стратегии наращивания экспорта в «новых» нишах и стратегии импортозамещения или, по крайней мере, замедления темпов проигрыша внутреннего рынка, а также расширения несырьевого экспорта. В противном случае негативные эффекты де-индустриализации проявятся раньше и сильнее, чем будут получены позитивные эффекты развития новых секторов.

Кроме того, конкурентная борьба с импортом и расширение несырьевого экспорта (хотя бы на определенных направлениях и в определенных ареалах) необходимы как источник для трансферта навыков, кадров, бизнес-моделей в новые сектора. Достаточно трудно представить себе экономику, совершенно неконкурентную в производстве традиционной массовой продукции и высоко конкурентную в новых нишах. Напомним, что фирма Nokia начинала с леса, затем занималась шинами и лишь потом вышла в лидеры сверх-технологичной экономики. И это нормальный путь. Следует иметь в виду также, что именно сектор производства массовых потребительских товаров является в России в наибольшей степени частным, в нем сосредоточен малый и средний бизнес, наконец, он является наиболее адаптивным и инновационным (в обычном, экономическом смысле слова). В то время как «новые сектора» мыслятся преимущественно как сектора с доминирующим положением государства (по крайней мере, на первых порах).

7. Некоторые выводы.

Можно сформулировать несколько важных проблем, встающих при постановке вопроса о новой модели экономического роста:

- проблема экономического роста должна рассматриваться в рамках двух временных горизонтов, причем цели и средства экономической политики для обеспечения высоких темпов роста в рамках двух горизонтов могут оказаться различными и в определенной мере противоречащими друг другу;
- проблема конкурентной среды, повышения качества базовых институтов рынка является *sine qua non* успешной в долгосрочном периоде экономической политики вне зависимости от того, на какие подходы (либеральные или дирижистские) и источники инвестиций сориентирована выбранная модель; интервенционистская политика государства может быть относительно успешной, только если она встроена в рынок, а не подменяет его;
- диверсификация экспорта и повышение конкурентоспособности отечественной продукции остаются важнейшей задачей наряду с поиском новых долгосрочных ниш на мировом рынке; массовое товарное производство остается и на обозримом горизонте останется ключевым сектором экономики, обеспечивающим ее сбалансированное развитие, инновационный потенциал и приемлемые темпы экономического роста; это накладывает определенные ограничения на выбор макроэкономических параметров.

В целом, дело пока представляется так, что России придется двигаться в рамках некой комбинированной модели экономического роста. Дело не в том, чтобы выбрать сферу приложения инвестиций: инфраструктура, наукоемкая продукция, сфера услуг, человеческий

капитал и пр., – а в том, чтобы резко повысить уровень конкуренции и, пробуя все сферы, увидеть отдачу и перспективы. (Точно то же в отношении инвестиций: не делать ставку на частные или государственные инвестиции, но на создание условий для повышения требований к эффективности размещения капитала.) Это прямо противоположно тому, что делается сейчас, когда государство стремится сначала подавить весь рынок, а затем выбрать из придушенных одного, кому будет предоставлена подушка с кислородом.

Важно не придумать, кого тащить, а увидеть, где помощь дает максимальную отдачу. Помогать рынку, а не подменять его.

Кроме того, в рамках обсуждения будущей модели роста представляется поднять некоторые болезненные, но крайне важные проблемы.

8. Макроэкономическая стабильность в условиях ренто-ориентированной экономики.

Как известно, одним из элементов политики макроэкономической стабильности 2000х стало создание резервных фондов (стабилизационный фонд и его преемники). Стабилизационный фонд, безусловно, сыграл важную роль в 2000е гг., прежде всего в смысле контроля денежного предложения. Второй задачей фонда было объявлено сглаживание влияния колебания мировых цен на энергоносители. И здесь эффект можно считать скорее отрицательным. Период высоких цен на нефть и высоких экспортных доходов является периодом снижения качества экономической политики, торможения институциональных и структурных реформ, роста государственных расходов. При этом накопленные резервы позволяют смягчить влияние конъюнктурных перепадов. Микшируя цикличность, мы фактически лишаем экономику стимулов к реструктуризации, адаптации к новым условиям и – по большому счету – развитию.

Кризис 2008 – 2009 гг. наглядно продемонстрировал этот эффект. Наличие резервов привело к неснижению и даже повышению государственных расходов на фоне ухудшавшейся конъюнктуры, максимальная помощь была предоставлена наиболее слабым секторам, широкая социальная поддержка искажала стимулы к перестройке рынка труда. Но и до кризиса отрицательные эффекты чрезмерного накопления резервов были видны: их наличие стимулировало рост расходов и снижение требований к их эффективности.

Иными словами – лучше иметь меньшие резервы. Возможно, избыточные доходы логичнее было бы потратить для осуществления структурного маневра в области пенсионной реформы (освободив работающее поколение от груза «двойного платежа»). Во всяком случае, очевидно, что для динамичного развития экономика должна быть доле «тонкокожей».

9. Политика в области трудовых ресурсов.

На наш взгляд, наряду со структурной задачей повышения уровня конкуренции в экономике, существует еще одна необходимая переменная любой модели долгосрочного развития и экономического роста – это увеличение трудовых ресурсов. Помимо общего положительного вклада, который, как правило, увеличение трудовых ресурсов оказывает на экономический

рост, можно отметить вклад, который способна внести положительная иммиграционная динамика в решение специфических проблем российской экономики:

- снижение давления социальной сферы на экономику, возрастающего в связи с неблагоприятным демографическим трендом;
- снижение стоимости труда;
- повышение емкости внутреннего рынка;
- развитие инфраструктуры.

В связи с последним, отметим, что традиционная для России неразвитость инфраструктуры есть не только следствие недостатка инвестиций, но и недостаточной населенности, разорванности очагов экономического роста (архипелаг) и чрезмерной нагрузки, которую создает задача создания и поддержания инфраструктуры, в отношении к числу занятых и объемам внутреннего рынка.

С этой точки зрения проблема заключается скорее в том, что возможности России по привлечению трудовых ресурсов ограничены, нежели в том, чтобы сознательно их ограничивать. Необходимо как можно быстрее включиться в конкуренцию за привлечение трудовых ресурсов. Причем, как в качественном, так и в низко-качественном сегменте.